

ДЕКОНСТРУКЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

DECONSTRUCTION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN MODERN CULTURAL-PHILOSOPHICAL REFLECTION

*V. Skopa
N. Serova
D. Pilipenko*

Summary: Intellectual deconstruction of science in the context of contemporary cultural-philosophical discourse is a complex process of transformation of epistemological paradigms and rethinking of cognitive strategies of cognition. Key aspects of this phenomenon include dismantling of traditional scientific narratives; destructuring of rigid methodological schemes; pluralism of interpretative models and reconfiguration of research optics. Thus, deconstruction is a complex transformational process of reformatting scientific knowledge.

Keywords: antiscentism, science, knowledge, scientism, man, cultural-philosophical reflection.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Серова Наталья Степановна

кандидат философских наук, Алтайский
государственный педагогический университет
(г. Барнаул)

Пилипенко Дмитрий Сергеевич

Аспирант, Алтайский государственный педагогический
университет (г. Барнаул)

Аннотация: Интеллектуальная деконструкция науки в контексте современного культурфилософского дискурса представляет собой комплексный процесс трансформации эпистемологических парадигм и переосмысления когнитивных стратегий познания. Ключевые аспекты данного феномена включают демонтаж традиционных научных нарративов; деструктуризацию жестких методологических схем; плюралистичность интерпретационных моделей и реконфигурацию исследовательских оптик. Таким образом, деконструкция выступает сложным трансформационным процессом реформирования научного познания.

Ключевые слова: антисциентизм, наука, знание, сциентизм, человек, культурфилософская рефлексия.

Эпистемологическая рефлексия современной культуры обнаруживает комплексный кризис научного познания, где антисциентистские тенденции формируют альтернативные модели интеллектуальной деятельности. В современном мире наблюдается устойчивая тенденция к трансформации научного знания и критическому переосмыслению классических эпистемологических парадигм. Антисциентистская концепция становится все более влиятельным интеллектуальным течением, ставящим под сомнение абсолютный авторитет научного разума [13]. Неуклонная динамика расширения интеллектуального горизонта человечества характеризуется стремительным приращением информационного потенциала. Этот феномен детерминирован не только совершенствованием методологического инструментария научного поиска, что находит подтверждение в эпистемологических концепциях, но и преимущественно фундаментальным импульсом цивилизации к всестороннему освоению и трансформации природных и социальных контекстов в условиях постоянно возрастающей сложности познавательных задач. Ключевые изменения происходят не столько в плоскости технических инноваций, сколько в парадигмальном переосмыслении стратегий взаимодействия человека с универсальными

системами знания и средовыми пространствами [3].

В современную эпоху трансформация социальных структур и механизмов жизнедеятельности приобретает целенаправленный вектор, где системообразующим фундаментом выступают научно верифицированные концепции. Примечательно, что параллельно с поступательным наращиванием интеллектуального потенциала развивается диалектически противоположный процесс – перманентное расширение горизонтов неизведанного. Особенно рельефно этот феномен проявляется в пространстве фундаментальных научных дисциплин, где классические парадигмы постоянно реконфигурируются под влиянием пограничных исследовательских конструктов. Показательным примером служит введение в научный дискурс физики таинственных концептов вроде «темной материи» и «темной энергии», которые не только расширяют методологический инструментарий познания, но и радикально трансформируют существующую картину мироздания [1, 5]. Подобная интеллектуальная динамика демонстрирует принципиальную незавершенность научного знания и перманентную готовность научного сообщества к деконструкции устоявшихся теоретических положений.

В текущей парадигме научного познания масштаб неизведанного настолько беспрецедентен, что многократно превосходит проблемное поле исследований предыдущих интеллектуальных эпох [14]. Этот феномен порождает глубокое эпистемологическое противоречие, которое можно охарактеризовать как диалектику прогресса и ограниченности человеческого разума. С одной стороны, наблюдается стремительная аккумуляция знаний, расширение когнитивного инструментария и последовательное наращивание технологического потенциала, позволяющего человечеству все более эффективно трансформировать природные и социальные системы. Однако обратной стороной этого процесса выступает принципиальная несостоятельность человечества не только постичь онтологические основы бытия, но и конструктивно реализовать накопленный интеллектуальный ресурс [4]. Парадоксальность ситуации состоит в том, что чем больше человечество познает, тем очевиднее становится фундаментальная ограниченность его гносеологических возможностей. Научное продвижение все отчетливее демонстрирует не столько торжество человеческого разума, сколько сложность и многослойность мироздания, постоянно сопротивляющаяся попыткам ее полного рационального объяснения. Этот интеллектуальный диссонанс актуализирует фундаментальный вопрос о границах научного познания и нравственной ответственности за трансформационные процессы, инициируемые научно-техническим прогрессом [7].

Размышления о научном прогрессе сквозь призму человеческого блага зародились задолго до современных дискуссий. Еще в эпоху Просвещения Жан-Жак Руссо выступил с революционной критикой знания, утверждая, что интеллектуальные достижения человечества – не более чем производное от его пороков. В трактате «Об общественном договоре» мыслитель фактически поставил под сомнение безусловную ценность научного поступательного движения [6]. Первоначально критика носила локальный характер и фокусировалась преимущественно на морально-этических аспектах. Однако с течением времени проблемное поле существенно трансформировалось. Научные открытия и технологические решения стали затрагивать все более широкий спектр человеческого существования – от психологических особенностей до экологических параметров среды обитания, от социальных взаимодействий до физиологических характеристик индивида. Таким образом, первоначальная интуиция Руссо обрела масштабное концептуальное развитие, превратившись в комплексное осмысление амбивалентности научного знания.

Ключевая миссия антисциентистской парадигмы в современной эпистемологии – критическая рефлексия потенциальных деструктивных эффектов научного прогресса в различных доменах человеческой жизнедеятельности. Скептицизм представителей этого

направления неуклонно нарастает на фоне очевидной трансформации науки из инструмента познания в механизм извлечения прагматической выгоды [9]. Усиливающийся пессимизм антисциентистов обусловлен системной проблемой: наука всё чаще утрачивает гуманистический вектор, превращаясь в средство завоевания утилитарных интересов корпораций и государственных институций. Научные разработки дидактически ориентированы не на безусловное служение человечеству, а на реализацию сиюминутных экономических или милитаристских стратегий. Такая редукция наносит принципиальный удар по изначальной аксиологической матрице научного знания, девальвируя ее фундаментальную миссию – расширение горизонтов человеческого понимания и благополучия [10].

Антисциентизм в философской плоскости позиционируется как интеллектуальная стратегия деконструкции научного дискурса, которая предполагает радикальную деактуализацию классических представлений о научном прогрессе. Сущностная характеристика этого концептуального подхода заключается в принципиальной готовности подвергнуть фундаментальной ревизии весь корпус научного знания, включая его онтологические и аксиологические основания. Более того, антисциентистская методологическая парадигма допускает не просто критическую рефлексию, но и потенциально полное негативное позиционирование науки как социального феномена. Ключевая интенция антисциентизма – демонстрация латентных рисков и деструктивного потенциала научного развития, которые зачастую маскируются риторикой прогресса и универсального блага. Философская традиция в рамках этого направления акцентирует внимание на необходимости глубокой герменевтической деконструкции научных практик и их цивилизационных импликаций.

Идея тотального антропоцентрического доминирования над природным пространством, сформулированная в эпистемологическом конструкте Ф. Бэкона через метафору «знание как инструмент могущества», стала квинтэссенциальным манифестом интеллектуальной парадигмы Просвещения [2, 4]. Парадоксальным образом синхронно с утверждением сциентистских установок разворачивается профетическая деконструкция телеологии научного прогресса. Знаковой фигурой в этом контексте выступает Ж.-Ж. Руссо, который задолго до постмодернистской критики представил радикальную альтернативу технократичному мировоззрению [6]. У Руссо концепт научного развития трактуется не как линейный поступательный процесс, а как перманентная деградация человеческой сущности.

В научных кругах существует несколько устоявшихся подходов к критическому осмыслению научного знания, различающихся глубиной и интенсивностью скептиче-

ского взгляда. Мягкая версия не подвергает тотальному отрицанию сциентистскую парадигму, агрессивно навязывающую монополию на истину, а сосредоточена на выявлении потенциальных деструктивных эффектов научного прогресса. Этот философский дискурс блестяще художественно визуализирован в романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» [11]. Именно здесь впервые в мировой литературе автор представил глубокий экзистенциальный сюжет о трагических последствиях беспредельного устремления ученого к знанию, способного породить разрушительные для человечества феномены.

Анализ социальных трансформаций, порождаемых научно-техническим прогрессом, находится в фокусе пристального внимания как зарубежных, так и российских социально-философских исследований. Так, Э. Тоффлер в своем труде «Шок будущего» акцентировал внимание на головокружительной динамике социотехнологических трансформаций, подчеркивая нарастающий диссонанс между темпами научного развития и адаптационными возможностями человека [8]. Ключевой посыл исследователя заключается в том, что беспрецедентное ускорение технологических и социальных изменений создает для индивида практически непреодолимые барьеры психологической и когнитивной интеграции. Бесконтрольная экспансия научного знания порождает своеобразный цивилизационный парадокс: чем стремительнее развиваются технологии, тем более фрагментированным и дезориентированным становится человеческое восприятие реальности.

Прежде социальная динамика развивалась плавно и размеренно, предоставляя социуму достаточно времени для осмысления и адаптации к трансформациям в рамках жизненного цикла одного поколения. Сегодняшняя реальность кардинально отличается – скорость общественных изменений настолько стремительна, что порой за несколько лет происходят революционные сдвиги, которые ранее могли бы растянуться на десятилетия. Темп технологических и социокультурных трансформаций стал настолько высоким, что классические механизмы преемственности и традиционной передачи опыта между поколениями фактически разрушаются. Каждые несколько лет привычная картина мира претерпевает радикальные трансформации, заставляя индивидуумов постоянно перестраивать собственные когнитивные модели и адаптационные стратегии.

Согласно исследованиям, научное мировоззрение не может полностью детерминировать социальную динамику, игнорируя комплексное влияние гуманитарных факторов. Умеренный антисциентизм подчеркивает необходимость критической оценки технологических инноваций с позиции человеческих ценностей и этических норм. Здесь ключевая идея заключается в том, что

научный прогресс должен находиться под гуманитарным контролем и не противоречить фундаментальным принципам развития общества [7, 12]. Существенную роль в социальных трансформациях играют такие нематериальные компоненты, как политические институты; образовательные системы; культурные практики; религиозные воззрения; морально-нравственные установки и эмоциональный фон индивидуумов. Таким образом, научное знание рассматривается как важный, но не единственный драйвер общественных изменений, а человеческий фактор выступает определяющим в интерпретации и имплементации технологических решений.

В контексте современных тенденций умеренный антисциентизм акцентирует внимание на трансформации научной парадигмы под влиянием рыночных механизмов. Знание постепенно утрачивает статус самоценного интеллектуального продукта, перетекая в плоскость товарно-денежных отношений [5, 9]. Принципиальная особенность современного этапа – инверсия классической модели: если раньше наука определяла траекторию общественного развития, то теперь спектр научных изысканий жестко детерминирован социально-экономическими потребностями и финансовыми возможностями социума. Современная научная парадигма претерпевает глубинную трансформацию, где фундаментальные гносеологические принципы поступают прагматическим установкам технико-инструментального характера [3, 10].

Крайняя форма антисциентизма отличается резкостью в оценке научного прогресса. Сторонники этого течения высказывают диаметрально противоположные суждения – от категорического неприятия научного развития до утверждения о тотальном манипулятивном потенциале научного знания в руках тех или иных «режимов» [1, 3]. Радикальные критики науки подчеркивают, что тоталитарные системы используют псевдонаучные концепции как инструмент социального контроля, создавая искусственные модели мироустройства, противоречащие естественному социальному порядку. Каждая подобная теория, несмотря на видимость научного обоснования, по сути является манипулятивной конструкцией. Эти идеологические воззрения активно воспринимаются маргинальными общественными движениями – антиглобалистами, контркультурными сообществами, которые видят в научном прогрессе угрозу человеческой свободе и естественности бытия.

В XX столетии жанр антиутопий стал мощным художественным инструментом осмысления технократических рисков цивилизации. Литературные произведения Оруэлла, Брэдбери, Замятина, Стругацких представляют альтернативные социальные модели, где научный прогресс перетекает в тотальный контроль. Писатели убедительно демонстрируют дегуманизированный мир, где технологические достижения перечеркивают базовые

человеческие ценности. Научные инструменты – генетическая модификация, когнитивные технологии, социальный инжиниринг превращаются в механизмы расчленения личности, превращения человека в беззащитный элемент сложной системы [1]. Обобщенно можно отметить, что эти литературные произведения предостерегают, что без гуманитарной рефлексии научные достижения могут превратиться в орудие манипуляции, лишив человечество индивидуальности, эмоциональности и права на самоопределение.

Ключевой посыл антисциентизма заключается в критическом осмыслении социально-гуманитарных последствий научно-технического прогресса. Разработка смертоносных вооружений, техногенные катаклизмы, производственные риски, экологический кризис и манипуляции с генетической структурой человека создают реальную угрозу существованию цивилизации, потенциально приводя к антропологической деградации. Критики научного подхода справедливо указывают на системный провал в гуманистической оценке научных инноваций. Необходима многопрофильная экспертиза, которая будет абсолютно независимой от государственных и коммерческих интересов. Однако современная реальность демонстрирует глубокую институциональную вовлеченность науки в механизмы политической и экономической конъюнктуры, что существенно затрудняет создание объективной оценочной платформы. Ключевое противоречие заключается в дисбалансе между технологическим прогрессом и гуманистической рефлексией его наиболее радикальных проявлений.

Аналитический обзор научных исследований подтверждает обоснованность опасений представителей антисциентизма относительно потенциальных эпистемологических рисков. В данном контексте под эпистемологическими угрозами понимается латентная опасность научных результатов, не прошедших тщательной социально-гуманитарной экспертизы. Также аргументация антисциентизма приобретает особую актуальность в контексте современных цивилизационных вызовов. Принципиальная позиция заключается не в тотальном отрицании научного прогресса, а в необходимости разработки гуманистического измерения, способного генерировать альтернативные стратегии развития человечества, где технологический потенциал будет гармонично сбалансирован с общечеловеческими ценностями [3].

Таким образом, антисциентистская концепция представляет собой сложный и многогранный феномен современной интеллектуальной культуры. Она не только деконструирует существующие научные парадигмы, но и открывает новые горизонты для эпистемологического творчества. Ключевые тренды указывают на необходимость постоянной методологической рефлексии и готовности к пересмотру устоявшихся познавательных моделей через призму культурфилософской критики, где традиционные методологические установки подвергаются деконструкции и переоценке с позиций плюрализма и релятивизма. Научное знание трансформируется из абсолютной системы в гибкую, многоуровневую конструкцию, открытую для различных культурных интерпретаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7. М., 2013. – 245 с.
2. Гаранина О.Д. Социальные фобии миллениума: наука в образе Франкенштейна // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. – С. 40-45.
3. Емелин В.А. Киборгизация и инвалидизация технологически расширенного человека // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. – 62–70.
4. История и философия науки / С.А. Ан, Э.И. Забнева, В.В. Маркин [и др.]. Барнаул, 2022. – 304 с.
5. Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. М., 2004. – 332 с.
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. – 416 с.
7. Скопа В.А. Кризис сциентизма: причины возникновения и последствия // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Познание. 2021. № 3-2. – С. 79-82.
8. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. – 557 с.
9. Фесенкова Л.В., Дерябина Е.Д. Идея преобразования человека в современной культуре. Проблема трансгуманизма сегодня // Культурное наследие России. 2015. № 4. – С. 16-19.
10. Хамидов А.А. Общество знания как проблема социальной философии // Вопросы философии. 2017. № 8. – С. 43-53.
11. Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. М., 2015. – 286 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 1. Гештальт и действительность. М., 1993. – 663 с.
13. Юдин Б.Г. Новые итоги давнего исследования // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 6. М., 2012. – С. 12–26.
14. Скопа В.А. Методология научного исследования. Барнаул: учебное пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2022. – 220 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Серова Наталья Степановна, Пилипенко Дмитрий Сергеевич.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»